

А. С. Щавелев

РУСЫ/РОСЫ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ: МОДЕЛЬ ИНВАЗИИ И НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНТЕГРАЦИИ В МИРЕ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

(вторая половина IX–X в.)

Проблема взаимоотношений русов/росов и славян — ключевая для ранней этнокультурной, этносоциальной и политической предыстории будущего Древнерусского государства. Процесс проникновения и интеграции этнических скандинавов — русов — в славянскую среду, а также их этнографический облик в целом и в отдельных деталях реконструирован в обобщающих монографиях С. Франклина и Д. Шепарда, Г. С. Лебедева, В. Я. Петрухина, Е. А. Шинакова, Ф. О. Андрощука, В. Дучко.¹ История инвазии (внедрения) русов в среду восточных славян — это история формирования этнографического и социально-психологического типа «руса» в процессе освоения нового пространства.² Сообщество русов было по своей сути «полиэтнической дружиной», а обозначающий это сообщество термин «русь» закономерно трактуется как «этносоциальная категория».³

Изначально схема присутствия русов в Восточной Европе реконструировалась так: «инфильтрация этнических скандинавов» — стирание скандинавских этнических черт — аккумуляция русами разных этнокультурных традиций (славянской, финской, балтской, тюркской) — растворение русов в славянской

среде. Между тем необходимо указать на несколько принципиальных нюансов, которые усложняют (хотя и не отвергают *in corpore*) сложившуюся в историографии картину.

Во-первых, опорные пункты русов в Восточной Европе были отчуждены от славянских племенных территорий, а не интегрированы в них. Пункты, которые находились под контролем русов, были противопоставлены славянским вожествам и протогосударствам. Экономика русов и восточных славян, хоть и была взаимосвязана, все же имела совершенно различную структуру (см. ниже). Во-вторых, скандинавы-русы, видимо, изначально в IX — начале X вв. эволюционировали в сторону складывания некой отдельной «народности», «этнографической общности». Если бы киевским русам («роду Рюриковичей») не удалось к середине X в. занять господствующее положение в восточнославянском мире и создать Древнерусское государство, русы бы, скорее всего, сложились в еще одну периферийную народность Восточной Европы, условно говоря, в «континентальных скандинавов», отличающихся от шведов, данов и норвежцев, повторяющих, только в иных условиях, исторический генезис исландцев.⁴ В начале X в. встала дилемма: либо эволюция в отдельную «народность» («вид (джинс) славян» арабской традиции), либо — в высший этносоциальный слой новой, «дружинной» империи.

По археологическим данным можно относительно четко проследить закономерности проникновения русов на территории Восточной Европы. Модельными примерами являются три точки так называемого «пути из варяг в греки», функционировавшего в разных формах и на разных участках в X в. Первая точка — это исходный пункт инвазии русов — Ладога, вторая — Гнездово на среднем Днепре и, наконец, третья — Киев. Во всех случаях формируется идентичная модель — торговое-ремесленное военизированное поселение пришельцев-русов, ориентированное на «порт» и

¹ См.: Франклин С., Шепард Д. Начало Руси. 750–1200. СПб., 2000. С. 15–205; Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005. С. 410–606; Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. М.; Смоленск, 1995. С. 83–115; Шинаков Е. А. Образование древнерусского государства. Сравнительно-исторический аспект. М., 2009. С. 66–210; Андрощук Ф. О. Нормани і слов'яни у Подесенні (моделі культурної взаємодії доби раннього середньовіччя). Київ, 1999; Duczko W. Viking Rus. Studies on the Presence of Scandinavians in Eastern Europe. Leiden; Boston, 2004.

² Ср.: Головнёв А. В. Антропология движения (древности северной Евразии). Екатеринбург, 2009. Об основах и архетипах дружинной культуры см.: Михайлин В. Ю. Тропа звериных слов. Пространственно ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции. М., 2005; Фетисов А. А., Щавелев А. С. Викинги. Между Скандинавией и Русью. М., 2009.

³ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Название «русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства (IX–X вв.) // Мельникова Е. А. Древняя Русь и Скандинавия. Избранные труды. М., 2011. С. 133–152.

⁴ См., например: Гуревич А. Я. Колонизация Исландии // Учен. зап. Калнинин. пед. ин-та. 1963. Т. 35. Кафедра истории. С. 212–245; Thomason Richard P. Iceland as «the first New Nation» // Scandinavian political studies. Vol. 10. Oslo, 1975. P. 33–51.

прибрежную зону,⁵ вокруг которого образуется «полоса отчуждения», откуда уходит большинство славян. При этом признаков быстрой социальной интеграции внедрившейся группы русов и славян из округи не прослеживается. Налицо лишь торговый обмен и появление славянских женщин в «городе русов».⁶

Очевидно, что русы, количественно уступавшие большинству славянских «племен», на начальных этапах своего присутствия в Восточной Европе стремились закрепиться на торгово-коммуникационных путях только в наиболее «инвазивно-доступных» местах — в межплеменных контактных зонах.

Очень показательный пример — Ладога, находившаяся на стыке культурных ареалов славян, финнов и балтов.⁷ Ладога, судя по всему, изначально основана как небольшая поселенческая колония скандинавов, чуждых местному населению. Она функционирует как торговоремесленное поселение («вик», «торжище при море») с середины 860-х гг. Именно Ладогу, очевидно, следует считать первой резиденцией князя Рюрика,⁸ позже основавшего Новгород в партнерстве со славяно-финской племенной элитой (словене, кривичи, чудь).⁹ В целом, поддерживая датировку прихода Рюрика в Ладогу

(890-е гг. или условный 895 г.), предложенную К. Цукерманом,¹⁰ полагаю, что далеко не все его дальнейшие хронологические построения являются бесспорными. Летописное основание Новгорода, в полном соответствии с археологическим материалом, должно относиться к началу X в. Видеть в так называемом «Рюриковом городище» «перво-Новгород» нет никаких оснований, особенно исторических, топонимических и этнокультурных. Следует отметить, что в результате укрепления в регионе «ладожско-новгородской руси» часть знати «племен» словен (археологический маркер — погребальные сооружения-сопки) покидает Поволжье и Поозерье, переселяясь в Помостье и Полужье.¹¹

Следующий опорный пункт днепровского пути — Гнездово — находится на границе расселения кривичей и радимичей. По версии А. В. Григорьева, часть керамического материала Гнездова относится к роменской археологической культуре (северяне, вятичи, радимичи). Можно осторожно предполагать, что «гнездовское» поселение русов было основано на месте небольшого радимичского поселка, вклинившегося в земли кривичей.¹² Дуализм торгово-ремесленного поселения русов и славянской округи сохраняется, как минимум, до второй половины X в., если не дольше.

Взаимоотношения Гнездова с кривичской округой были достаточно сложные: происходит «исчезновение или резкое сокращение числа поселений» кривичей «на расстоянии около двух дневных переходов от раннегородского поселения в Гнездове уже в первой половине X в.»¹³ Судя по находкам на поселении, кривичи присутствовали в Гнездове, но не жили там постоянно: «длинных курганов» в гнездовском некрополе нет.

⁵ Кирпичников А. Н. Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985. С. 25, 26; Мурашева В. В. В поисках гнездовского порта // Российская археология. 2007. № 1. С. 106–114; Комар А. В. К дискуссии о происхождении и ранних фазах истории Киева // Ruthenika. 2005. № 4. С. 133, 134; Sahaydak M. Medieval Kiev from the Perspective of an Archaeological Study of the Podil District // Ruthenika. 2005. № 4. P. 158–160.

⁶ Ср.: Бондарь А. Н. «Дружинные лагеря» и их сельская округа в X — начале XI века на территории междуречья нижнего течения Десны и Днепра // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграция, расселение, война как факторы политогенеза: материалы конф. М., 2012. С. 25–29.

⁷ См.: Kuz'min S. Ladoga, le premier centre proto-urbain russe // Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. Paris, 2000. (Réalités Byzantines, 7). P. 123–142; Кузьмин С. Л. Ладога в эпоху раннего средневековья (середина VIII — начало XII вв.) // Исследования археологических памятников эпохи средневековья. СПб., 2008. С. 69–94.

⁸ См.: Щавелев А. С. Славянские легенды о первых князьях. Сравнительно-историческое исследование власти у славян. М., 2007. С. 94, 95; Вилкул Т. Л. Ладога или Новгород? // Palaeoslavica. XVI. 2008. № 2. С. 272–280; Ostrowski D. Where was Rurik's first seat according to Povest' vremennykh let? // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 3 (33). С. 47–48; Добровольский Д. А. Вопрос об основании Новгорода в летописании XI — начала XII в. // Там же. С. 25–26.

⁹ Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода: к постановке проблемы // История СССР. М.; Л., 1971. № 2. С. 32–61; Кузьмин С. Л. О социально-политической структуре Новгорода и Новгородской земли во второй половине IX–XI вв. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1992. С. 113–119.

¹⁰ См.: Цукерман К. Русь, Византия и Хазария в середине X века: проблема хронологии // Славяне и их соседи. М., 1996. Вып. 6. С. 68–80; Zuckerman C. Deux étapes de la formation de l'ancien État russe // Les centres proto-urbains... P. 114–116; Цукерман К. Перестройка древнейшей русской истории // У истоков русской государственности. СПб., 2007. С. 332–351.

¹¹ См.: Петров Н. И. Поволжье и Ильменское Поозерье в IX–X вв. СПб., 1996. С. 55–57, 63, 66, 67, 78, 79, 82, 83.

¹² Сердечно благодарю А. В. Григорьева и А. А. Фетисова за консультации по этому вопросу.

¹³ Нефедов В. С. Смоленские кривичи и Русь: североευропейские и древнерусские изделия в смоленских длинных курганах // Тр. III (XIX) всерос. археол. съезда. М.; СПб.; Великий Новгород, 2011. Т. 2. С. 75–77; Он же. О раннегосударственной структуре на территории смоленского Поднепровья и Подвинья в X в. // XVI конф. по изучению скандинавских стран и Финляндии: материалы. Ч. I. М.; Архангельск, 2008. С. 211–213.

Киевское Поднепровье — следующий пункт закрепления русов — выступает на рубеже IX–X вв. как контактная зона древлян и северян (при этом южнее, в Поросье, зона расселения славян ограничивается печенежскими могильниками). Собственно территория полян невелика и слабо маркирована как особая этнокультурная зона: их «племенные» особенности были стерты еще на этапе подчинения Хазарскому каганату. Археологически этот процесс выразился в распространении древностей волынцевской культуры.¹⁴

Киев, как и Новгород, представлял собой полиэтничный городской центр — результат синойкизма.¹⁵ Сюда, в предполагаемый центр летописных полян, проникают носители еще двух разных славянских традиций: в районе Подола наблюдается приток северян (древности роменской археологической культуры), а древляне создают поселения на Замковой горе, Детинке и Кудрявце (древности культуры Луки-Райковецкой).¹⁶

Этническая пестрота региона и слабость аборигенного «племени» полян способствовали успешному закреплению русов в Киеве. Это происходит, по археологическим данным, в 880-е гг. здесь на Подоле. С конца IX в. появляется древнерусский могильник, возводится «требище» Перуна.¹⁷ Скандинавских древностей и признаков прихода русов в Киев до этого периода нет. А значит, любые спекуляции на тему «русского каганата» первой половины IX в. в Киеве (Среднем Поднепровье) беспочвенны. Точно так же невозможно по археологическим данным «удревнить» до IX в. функционирование пути «из варяг в греки и из грек». Как единая транзитная магистраль этот путь сложился лишь к середине X в.¹⁸

Территория, подчиненная киевскими князьями в первой половине X в., невелика. На юге были захвачены земли «племени» уличей (угличей?) и их столица — город Пересечен, находившийся немного южнее древнерусского

Киева.¹⁹ На западе шли войны с древлянами, которые были окончательно покорены лишь княгиней Ольгой во второй половине 940-х гг. На востоке русы освоили в X в. только ограниченный, малонаселенный славянами-северянами анклав в междуречье Днепра и Десны, которая и была их границей.²⁰

Междуречье Днепра и Десны южнее устья Сожа до появления здесь на рубеже IX–X вв. целой сети памятников «дружинного круга» представляло собой слабозаселенные земли, вероятно мало контролируемые каким-либо племенным объединением.²¹ При этом Чернигов на левобережье Днепра сохранял, как минимум, высокую степень автономии, а периодически, скорее всего, был совершенно независим. Недаром Константин Багрянородный относит Чернигов к городам из «Внешней Руси» (De admin. IX, см. ниже).

Итак, во всех трех случаях (Ладога, Гнездово, Киев) мы видим сходные принципы выбора русами места захвата территории — «межплеменное» пограничье; идентичный результат — переселение туземцев-славян примерно на 70–100 км от торгово-ремесленного портового протогорода русов, а затем, в течение X в., — постепенное расширение территории, подконтрольный пришельцам, вокруг их первичного поселения.

Соответственно, вопреки историографическому представлению о раннем (IX–X вв.) формировании некоего ядра «русской земли», «киевская Русь» князя Олега в первой половине X в. представляет собой территорию вокруг Киева, ограниченную (во всех направлениях) лишь двумя-тремя дневными переходами.

¹⁴ См.: Фетисов А. А., Щавелев А. С. «Племя» полян по летописным известиям и данным археологии // История и практика археологических исследований: материалы междунар. науч. конф. СПб., 2008. С. 369–372.

¹⁵ См.: Щавелев А. С. Указ. соч. С. 124, 125.

¹⁶ См.: Комар А. В. Указ. соч. С. 134–137.

¹⁷ Там же. С. 135, 136.

¹⁸ См.: Мурашева В. В., Довгалюк Н. П., Фетисов А. А. Византийские импорты с территории пойменной части Гнездовского поселения // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. М.; СПб., 2009. Т. I. С. 546, 547.

¹⁹ Город Пересечен четко локализуется на Днепре южнее Киева. См.: Нерознак В. П. Названия древнерусских городов. М., 1983. С. 133; ПСРЛ. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего извода. М., 2000. С. 109–110; ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1998. Стб. 471, 511; Тихомиров М. Н. «Список городов дальних и ближних» // Русское летописание. М., 1979. С. 94, 101. Возможно, в XII в. в Пересечене находилась тюрьма киевских князей — «пересеченский погреб». Летописный город Пересечен может быть предельно отождествлен с археологическим памятником Китаево на южной окраине современного Киева (Куза А. В. Древнерусские городища X–XIII вв. Свод археологических памятников. М., 1996. С. 171, 245, 249).

²⁰ См.: Коваленко В. П. Дружинные лагеря в процессе становления древнерусской государственности на днепровском левобережье // Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза: материалы конф. XXIII чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. М., 2011. С. 114–119.

²¹ Григорьев А. В. О границе Руси и северы в Подесенье // Слов'яни і Русь у науковій спадщині Д. Я. Самоквасова. Чернівці, 1993. С. 98.

Именно эта территория, фактически сам город Киев, и составляет, согласно адекватному прочтению текста трактата Константина Багрянородного, своего рода «внутреннюю росию», противопоставленную им «внешней».²² Именно на этой территории обитала «княжия» — совокупность рода князей Рюриковичей.²³

Вернемся к проблеме о том, есть ли какие-то основания считать, что русы в IX — начале X вв. формировались как некая отдельная «народность», своеобразный «протоэтнос». Прежде всего, при рассмотрении предпосылок для формирования этноса встает вопрос о его языке (как минимум, диалекте). Уже несколько исследователей в разное время независимо друг от друга отметили специфику языка русов.

Первым проблему «специального варяжского языка» («le langage spécialement varègue», «la langue mixte de varègue») сформулировал А. Стендер-Петерсен.²⁴ С этим языком связано происхождение двусоставных неологизмов X–XI вв. «rólútasvarf» («полюдь», «объезд», «обход с целью грабежа») и «taraḡ-öx» («небольшой (боевой?) топор»). Лексема «taraḡ-öx» тавтологически объединяет славянское «топоръ» и северогерманское «öx» с тем же значением. Славянское слово «топоръ» также заимствовано финским языком в той же форме «tappara». Рискнем добавить в этот ряд «gerzkan/girzkan hatt» («греческая шапка»)²⁵. Примечательно, что в «Саге о людях со Светлого озера» (Ljósvetninga saga) этот головной убор фигурирует в качестве дара от ярла Хакона (ум. в 995 г.) знатным исландцам в одном ряду с «taraḡ-öx». Шапку и топорик получили Гудмунд Могучий и годи Торгейр. Лексема «taraḡ-öx» является terminus technicus, поскольку так обозначается не просто топор, а небольшой боевой топор(ик).

Теоретическую возможность специфики фонетики языка русов учитывает в своем исследовании языковой картины Восточной

Европы IX–XI вв. Б. Струминский.²⁶ Ранний переход русов на славянский язык достаточно убедительно на примере их самоназвания показал А. В. Назаренко.²⁷ Затем он пришел к выводу, что на каком-то этапе языку варягов были присущи и германские, и славянские фонетические черты.²⁸ Именно так объясняется им происхождение греческой формы имени князя Игоря Рюриковича «Ингор» (Ἰγγωρ, Ἰγγυρ)²⁹ при ожидаемом и зафиксированном в «Антаподосисе» Лиутпранда Кремонского «Ингер» (Inger) (Ant. V. 15).

Лингвист С. Л. Николаев на основе сравнительно-фонетического анализа имен варяжских послов в «Повести временных лет» выдвинул гипотезу «раннесредневекового восточносеверогерманского континентального диалекта», «на котором в конце I тысячелетия говорили оседлые северогерманцы Новгородской земли».³⁰ Однако датировка оформления этого «континентального диалекта» «не позднее III в.» вызывает сильные сомнения исторического характера: прежде всего, кто были его носители? Гораздо более вероятно, что выявленные фонетические особенности скандинавских имен послов отражают языковую трансформацию сообщества «скандинавов-русов», которые вначале осели в Ладогe, затем начали освоение Приладожья и с середины VIII в. распространились в Северо-Западном ареале (Ладoga, Рюриково городище, Гнездово, Псков и др.). Отметим также, что лингвист А. В. Циммерлинг, анализирувавший скандинавские имена в договорах с греками, никаких следов «неизвестного диалекта» в них не увидел.³¹

Суммируя наблюдения лингвистов можно сказать, что речь русов обладала какими-то

²⁶ См.: Strumiński B. Linguistic Interrelations in Early Rus'. Northmen, Finns, and East Slavs (Ninth to Eleventh Centuries). Roma, 1996.

²⁷ См.: Назаренко А. В. О языке восточноевропейских варягов IX–X вв. (*RÖÐ(S) — (?) — ΡΩΣ — RUZZI) // Восточная Европа в древности и средневековье. X чтения к 80-летию В. Т. Пашута. М., 1998. С. 75–79.

²⁸ Назаренко А. В. Игорь и другие (кое-что об антропониматике Древней Руси) // V круглый стол «Древняя Русь и германский мир в филологической и исторической перспективе». М., 2012. Устное выступление на круглом столе.

²⁹ В трактате Константина Багрянородного «Об управлении империей» (Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio. Vol. 2. Commentary. L., 1962. P. 28, 29).

³⁰ Николаев С. Л. Семь ответов на варяжский вопрос. I. Этимология и сравнительная фонетика имен варяжских послов в Повести временных лет // Повесть временных лет. СПб., 2012. С. 398–408.

³¹ См.: Циммерлинг А. В. Имена варяжских послов в «Повести временных лет» // V круглый стол «Древняя Русь и германский мир... Устное выступление на круглом столе.

²² Назаренко А. В. Η ΉΞΩ ΡΩΣΙΑ: к политической географии древнерусского государства середины X века // Gaudeamus Igitur. М., 2010. С. 294–301.

²³ Назаренко А. В. Территориально-политическая структура Древней Руси в первой половине X века: Киев и «Внешняя Русь» Константина Багрянородного // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. СПб., 2009. (Тр. Государственного Эрмитажа, № 49). С. 412–414.

²⁴ Stender-Petersen A. Le mot varègue polutasvarf // Stender-Petersen A. Varangica. Aarhus, 1953. P. 151–154.

²⁵ См.: Успенский Ф. Б. Скандинавы. Варяги. Русь: ист.-филол. очерки. М., 2002. С. 340–347.

специфическими фонетическими характеристиками, что они достаточно быстро перешли на славянский язык, но сохранили свои имена и, возможно, какую-то часть терминологии. Славянский язык русов, возможно, носил, как минимум на первом этапе, черты упрощенного «пиджина»,³² хотя лингвистических данных для верификации этого, теоретически напрашивающегося предположения, недостаточно. Этнолингвистические материалы нового времени дают нам живую модель такого языка общения между славянами и норвежцами. Это так называемый «руссенорск» (Russenorisk) — смешанный русско-норвежский пиджин, служивший средством общения норвежских и русских торговцев и рыбаков с 1750 по 1917 гг. В нем было около 400 слов: 40 % — из русского языка, 50 % — из норвежского, остальные были заимствованы из английского, нидерландского, финского и саамского.³³

Славянский язык выполнял для русов функцию языка-посредника при торговле. Об этом можно узнать из «Книги путей и стран» Ибн Хордадбега: «...переводчиками для них являются славянские слуги-евнухи (хадам)»;³⁴ «...иногда везут свои товары из Джурджана на верблюдах к Багдаду, и переводят им славянские слуги, и говорят они, что они — христиане, и платят джизью».³⁵ Из текста следует, что русы владеют славянским языком и пользуются услугами славянских переводчиков, так же как в Константинополе в X в. «толковинами» русским князьям и послам служили «тиверцы».³⁶ Но из текста не следует, что славянский язык для них *родной*. Арабо-персидская традиция сохранила и неясные сообщения о письменности русов (Ибн Фадлан и Ибн ан-Надим).³⁷

Изложенные выше соображения позволяют пролить свет и на загадочных *колбягов* — некоего аналога и соседей *варягов*. Е. А. Мельникова считала проблему колбягов неразрешимой из-за дефицита информации в источниках.³⁸ Д. А. Мачинский и В. С. Кулешов выдвинули остроумную гипотезу, что колбяги — смешанное финско-скандинавское население Приладожья («приладожская курганная археологическая культура», сложившаяся в конце IX в.).³⁹ Можно предположить еще, что колбяги — скандинавы, перешедшие на финский язык, так же как русь — скандинавы, перешедшие на славянский язык, а варяги — скандинавы, сохранившие свой язык, возможно подвергшийся каким-то изменениям. Эту догадку подтверждает сохранившийся аналог древнерусского этнонима *колбяг* в венгерском языке — «kölpények», возможно, являющийся независимым производным, этимологически связанным с финским *kalpa* («меч») — название наемников.⁴⁰

Языковая эволюция руси происходила в течение IX — начала XI вв. Такой «лингвистический спринт» вполне возможен (теория языкознания его допускает), именно поэтому методика анализа глоттохронологических процессов по «списку базовой лексики» М. Сводеша работает не всегда корректно.

Этнографическую специфику и особое самосознание русов прекрасно выявил анализ сообщений арабских авторов о русах и славянах. Основу для такого анализа заложила публикация А. П. Новосельцева.⁴¹ Затем этнографическую дифференциацию славян и русов и их противопоставление по ряду признаков в восточных источниках показал Г. С. Лебедев.⁴² Далее Е. А. Шинаков провел сплошной

³² См. об этих процессах: Дьячков В. М. Специфика процессов пиджинизации и креолизации языков // *Вопр. языкознания*. 1988. № 5. С. 122–132.

³³ Первое научное описание «руссенорска» осуществил славист У. Брок См. Об этом подробнее: Peterson R. E. A Little Known Aspect of Russian-Norwegian Relations // *Studies in Language*. 1980. Vol. 4, № 2. P. 249–258; Lunden S. Tracing the ancestry of Russenorisk // *Slavia Orientalis*. 1978. № 27/2. P. 213–217; Брок И. Моя-по-твоя. Русско-норвежский язык-пиджин // *Оттар*. Норвегия и Россия на севере. 1992. № 192. С. 24–28.

³⁴ Ибн Хордадбег. Книга путей и стран / пер. с араб., коммент. иссл. Н. М. Велихановой. Баку, 1988. С. 124.

³⁵ Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия. Т. 3. М., 2009. С. 31.

³⁶ Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 415, 601; Салмина М. А. Толковин // *Энциклопедия «Слова о полку Игореве»*. СПб., 1995. Т. 5. С. 126–128.

³⁷ Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 76; Зайцев И. В., Морозов Д. А. Неизвестный и более ранний вариант древнерусской докириллической надписи Ибн ан-Надима // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2007. № 2(28). С. 112–115.

³⁸ См.: Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Скандинавы на Руси и в Византии в X–XI веках: к истории названия «варяг» // Мельникова Е. А. Древняя Русь и Скандинавия. Избранные труды. М., 2011. С. 162. Хороним *Kyflingaland* в скандинавских списках земель располагается между Швецией и Русью, что идеально соответствует географическому положению Приладожья (ср.: Мельникова Е. А. Древнескандинавские географические сочинения. Тексты, перевод, комментарий. М., 1986. С. 45, 134–136, 138).

³⁹ Кулешов В. С., Мачинский Д. А. Колбяги // *Ладога и Глеб Лебедев*. VIII чтения памяти А. Мачинской. СПб., 2004. С. 205–227.

⁴⁰ Наемники с таким названием фигурируют в хронике «*Gesta Hungarorum*» с середины X в. Впервые их называет князь Такшонь (умер в 972 г.?).

⁴¹ См.: Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–XI вв. // *Древнейшие государства Восточной Европы*. 1998. М., 2000. С. 264–323.

⁴² См.: Лебедев Г. С. Этнографические сведения арабских авторов о славянах и руссах // *Из истории феодальной России: ст. и очерки*. К 70-летию В. В. Мавродина. Л., 1978. С. 21–24.

контент-анализ известий о русах и славянах.⁴³ Обобщая выводы этих исследователей, можно заключить, что русы и славяне последовательно различались, причем различается и их этнографический облик, и их социальная организация. В источниках середины IX в. зафиксировано большее противопоставление русов и славян, а в источниках X в. отражается постепенный «обмен» этнографическими чертами. Так, в середине IX в. социальная организация и культура славян выглядят в восточных источниках более развитыми, а общество русов — несколько более примитивным. К середине X в. русы уже демонстрируют гораздо более высокую степень социального развития и заимствуют у славян часть их «признаков».

Этническое и более позднее «классовое» самосознание русов четко выражено в целой серии известий раннего летописания, восходящих к дружинной мифопоэтической традиции. Особенно ярко оно обнаруживается в противопоставлении руси и словен в рассказе о походе на Византию во время похода князя Олега (условный 6415-й летописный год), когда русь получила паруса из «паволок», а словени — «кропильны». Когда же паруса у словен «раздра ветрь», словени снова используют свои старые паруса из «толстин». Таким образом, русь в рассказе выступает как элита морского дела, а словене — как менее опытные традиционалисты.⁴⁴

Экономика русов и славян X в. также построена на противоположных принципах. Русы создают типичные «predatory states», ориентированные на контроль транзитной торговли и военную экспансию с целью получения военной добычи и дани. Аккумулируя за счет постепенной институционализации «рэкета» славянских племен рабов, пушнину, мед и воск, русы получали возможность накапливать «арабское серебро» (дирхемы) и предметы роскоши. Причем рабов и пушнину, которые были основными статьями экспорта в развитые страны — Византию и Халифат,⁴⁵ — они получали исключительно от славян, создавших эф-

фективную производящую сельскохозяйственную экономику. Присваивающий характер военно-торговой экономики русов очевиден. Такая экономика порождала и специфическую агрессивную субкультуру. Общество русов было очень эффективно тактически, но в стратегической перспективе «победила» модель славян. Именно поэтому Древнерусское государство начала XI в. стало *славянским*, а не «скандинавским». Именно поэтому возобладал *славянский язык* и славянский этнографический *хозяйственно-культурный тип*.

Мы хорошо представляем по источникам, как русы эволюционировали в высший социальный слой Древнерусского государства, создав основу ослабявшегося со второй половины X в. княжеского рода Рюриковичей и вобрав в себя самые разные этнокультурные элементы *дружины «руси»*. А если бы развитие русов пошло по наметившемуся и потенциально возможному в IX в. вектору трансформации в отдельный малый этнос, то, скорее всего, они смогли бы сформировать только локальные, угасающие со временем анклавные.⁴⁶ Но даже став движущей силой генезиса Древнерусского государства и его ведущей социальной стратой, русь неизбежно теряла свои этнические и этноязыковые «варяжские» черты и особенности в новом социуме. И, наконец, в середине XI в. (после смерти Ярослава Владимировича в 1054 г.) «варяжский период» истории Руси завершается.⁴⁷

⁴³ См.: Шинаков Е. А., Гурьянов В. Н. Контент-анализ терминов «славяне» и «русы» в восточных источниках // Русский сборник. Брянск, 2002. С. 186–208; Шинаков Е. А. Указ. соч. С. 70–94, 432, 433.

⁴⁴ Повесть временных лет... С. 17. Об остальных чертах самосознания и правосознания ранней руси см.: Петрухин В. Я. Указ. соч. С. 116–153.

⁴⁵ О торговле рабами и ее роли в экономике этого времени см.: Мишин Д. Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннем средневековье. М., 2002. С. 137–188; McCormick M. Origins of the European Economy. Communications and Commerce AD 300–900. New York, 2001. P. 759–774.

⁴⁶ Их возможную судьбу иллюстрирует письменность скандинавской общины городища Масковичи XI–XIII вв., где использовалось «деградировавшее письмо» рунами, в основном уже утратившими смысл и превратившимися из бытовой письменности в набор нечитаемых сейчас графем. См. Дучиц Л. В., Мельникова Е. А. Надписи и знаки на костях с городища Масковичи (Северо-Западная Белоруссия) // Древнейшие государства на территории СССР: материалы и исследование. 1980. М., 1981. С. 185–216; Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации. Тексты, перевод, комментарий. М., 2001. С. 213–247.

⁴⁷ См.: Томсен В. Начало древнерусского государства // Из истории русской культуры. Т. 2, кн. 1. М., 2002. С. 216; Pritsak O. The Origin of Rus'. Vol. I: Old Scandinavian Sources other than Sagas. Cambridge, 1981. P. 31.

Ключевые слова: образование Древнерусского государства, Киев, Ладога, Гнездово, русы, славяне, словене, кривичи, поляне, уличи, торгово-ремесленное поселение, историческая археология, пиджин, историческая этнография, историческая социолингвистика

Alexei S. Schavelev

Candidate of Historical Sciences, Institute for General History of the RAS (Russia, Moscow)

E-mail: alexis-schavelev@mail.ru

RUS/ROS IN EASTERN EUROPE: INVASION MODEL AND SOME SPECIFICS
OF INTEGRATION IN THE EAST SLAVS COMMUNITY
(second half of the 9th – the 10th centuries)

The article is an attempt to understand what were the mechanisms of invasion (integration) of the Rus/Ros groups into the East Slavs communities in the 9th–10th centuries. The author summarized the results of Ladoga, Gnezdov and Kiev studies. It is apparent that the groups of Rus initially seized the outposts in the inter-tribe contact zones. Their initial expansion did not reach beyond the scarcely populated inter-tribe boundary areas. The appearance of the “proto-city” of the Rus caused relocation of significant part of the Slavic population to the distances of 70–100 km away, however at the same time there were active exchange contacts between the Rus’ “trade and merchant settlement” and the Slavs’ “tribal” environment. The data on the linguistic and the ethnographic characteristics of the Rus have been summed up. The Rus/Ros community first evolved as a kind of protoethnos, however in the 10th century it emerged as the ethno-social category of the “military state” dominating over the conquered and the voluntarily connected Slavs “tribes”.

Key words: *the emergence of Rus’, Kiev, Ladoga, Gnezdovo, rus’s, Slavic peoples, slovene, krivichi, polyane, ulichi, trade-and-craft settlement, historical archaeology, pidgin-language, historical ethnography, historical sociolinguistics*

REFERENCES FOR CITATION DATADASE

- Androshchuk F. O. Kiev: Kiiivskiy universitet imeni Tarasa Shevchenka, 1999, 140 p. (in Ukrainian).
- Bondar A. N. *Vostochnaya Yevropa v drevnosti i srednevekove. Migratsiya, rasselenie, vojna kak faktory politogeneza: materialy konferentsii* (Eastern Europe in ancient and medieval times. Migration, resettlement, war as factors Politogenesis: conference materials). Moscow: IVI RAN, 2012, pp. 25–29. (in Russ.).
- Brok I. *Ottar. Norvegiya i Rossiya na severe* (Ottar. Norway and Russia in the north), 1992, № 192, pp. 24–28. (in Russ.).
- Constantine Porphyrogenitus. London: “The Athlon Press”, 1962, Vol. 2, 221 p. (in English).
- Dobrovolskiy D. A. *Drevnyaya Rus. Voprosy medievistiki: sb. nauch. tr.* (Ancient Russia. Questions medievalists: collected papers), 2008, № 3 (33), pp. 25–26. (in Russ.).
- Drevnyaya Rus v svete zarubezhnykh istochnikov: khrestomatiya* (Ancient Russia in light of foreign sources: reader). Moscow: RFSOK, Vol. 3, 2009, 250 p. (in Russ.).
- Duchits L. V., Melnikova Ye. A. *Drevneyshie gosudarstva na territorii SSSR. Materialy i issledovaniya: sb. nauch. tr.* (The oldest state in the territory of the USSR. Materials and research: collected papers). Moscow: Nauka, 1980, pp. 185–216. (in Russ.).
- Duczko W. Leiden; Boston: “Brill”, 2004, 190 p. (in English).
- Dyachkov V. M. *Voprosy yazykoznaniya* (Problems of Linguistics). 1988, № 5, pp. 122–132. (in Russ.).
- Fetisov A. A., Shchhavelev A. S. *Istoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* (History and practice of archaeological research: proceedings of the international scientific conference). St. Petersburg, 2008, pp. 369–372. (in Russ.).
- Fetisov A. A., Shchhavelev A. S. Moscow: Veche, 2009, 335 p. (in Russ.).
- Franklin S., Shepard D. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2000, 625 p. (in Russ.).
- Golovnev A. V. Ekaterinburg: UrO RAN; “Volot”, 2009, 496 p. (in Russ.).

- Grigorev A. V. *Slov'yani i Rus u naukoviy spadshchini D. Ya. Samokvasova: sb. nauch. tr.* (I Slavs Rus in scientific legacy D. Ya. Samokvasov: collected papers). Chernigov, 1993, pp. 97–99. (in Russ.).
- Gurevich A. Ya. *Uchenye zapiski Kalininskogo pedagogicheskogo instituta: sb. nauch. tr.* (Proceedings of the Kalinin Pedagogical Institute: collected papers). Vol. 35, 1963, pp. 212–245. (in Russ.).
- Ibn Khordadbekh. Baku: Elm, 1988, 428 p. (in Russ.).
- Kirpichnikov A. N. *Srednevekovaya Ladoga. Novye arkheologicheskie otkrytiya i issledovaniya: sb. nauch. tr.* (Medieval Ladoga. New archaeological discoveries and research: collected papers). Leningrad: Nauka, 1985, pp. 25–26. (in Russ.).
- Komar A. V. Ruthenika, 2005, № 4, pp. 133–134. (in Russ.).
- Kovalenko V. P. *Vostochnaya Yevropa v drevnosti i srednevekove. Migratsiya, rasselenie, voyna kak faktory politogeneza: materialy konferentsii* (Eastern Europe in ancient and medieval times. Migration, resettlement, war as factors Politogenesis: conference materials). Moscow: IVI RAN, 2012, pp. 114–119. (in Russ.).
- Kuleshov V. S., Machinskiy D. A. *Ladoga i Gleb Lebedev. VIII chteniya pamyati A. Machinskoy* (Ladoga and Gleb Lebedev. VIII reading memory of A. Machinskaya). St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2004, pp. 205–227. (in Russ.).
- Kuz'min S. *Les centres proto-urbaines russes entre Scandinavie, Byzance et Orient* (Proto-urban centers between Russia Scandinavia, Byzantium and East: collected papers). Paris: "Pierre Zech Éditeur", 2000, pp. 123–142. (in French).
- Kuza A. V. Moscow, 1996, 255 p. (in Russ.).
- Kuzmin S. L. *Issledovaniya arkheologicheskikh pamyatnikov epokhi srednekovyaya: sb. nauch. tr.* (Archaeological study of the Middle Ages: collected papers). St. Petersburg, 2008, pp. 69–94. (in Russ.).
- Kuzmin S. L. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya: sb. nauch. tr.* (Novgorod and Novgorod region. History and archaeology: collected papers). Novgorod, 1992, pp. 113–119. (in Russ.).
- Lebedev G. S. *Iz istorii feodalnoy Rossii: sb. nauch. tr.* (From the history of feudal Russia: collected papers). Leningrad: LGU, 1978, pp. 21–24. (in Russ.).
- Lebedev G. S. St. Petersburg: Yevraziya, 2005, 639 p. (in Russ.).
- Lunden S. *Slavia Orientalis*, 1978, № 27/2, pp. 213–217. (in English).
- McCormick M. New York: Cambridge University Press, 2001, 1099 p. (in English).
- Melnikova Ye. A. Moscow: Nauka, 1986, 232 p. (in Russ.).
- Melnikova Ye. A. Moscow: Vostochnaya literature, 2001, 495 p. (in Russ.).
- Melnikova Ye. A., Petrukhin V. Ya. *Nazvanie «rus» v etnokulturnoy istorii Drevnerusskogo gosudarstva (IX–X vv.)* (The name "Russia" in the ethnic and cultural history of the ancient state (IX–X centuries)). Moscow: RFSON, 2011, pp. 133–152. (in Russ.).
- Melnikova Ye. A., Petrukhin V. Ya. *Skandinavyy na Rusi i v Vizantii v X–XI vekakh: k istorii nazvaniya «varyag»* (Scandinavians in Russia and Byzantium in the X–XI centuries: the history of the name "Vikings"). Moscow: RFSON, 2011, pp. 153–171. (in Russ.).
- Mikhaylin V. Yu. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2005, 538 p. (in Russ.).
- Mishin D. Ye. Moscow: IV RAN; Kraft+, 2002, 365 p. (in Russ.).
- Murasheva V. V. *Rossiyskaya arkheologiya* (Russian archaeologists), 2007, № 1, pp. 106–114. (in Russ.).
- Murasheva V. V., Dovgalyuk N. P., Fetisov A. A. *Kraeugolnyy kamen. Arkheologiya, istoriya, iskusstvo, kultura Rossii i sopredelnykh stran: sb. nauch. tr.* (Cornerstone. Archaeology, history, art and culture of Russia and adjacent countries: collected papers). Moscow; St. Petersburg, Vol. 1, 2009, pp. 546–547. (in Russ.).

- Nazarenko A. V. *Gaudeamus Igitur: sb. nauch. tr.* (Gaudeamus Igitur: collected papers). Moscow: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauki, 2010, pp. 294–301. (in Russ.).
- Nazarenko A. V. *Slozhenie russkoy gosudarstvennosti v kontekste rannesrednevekovoy istorii Starogo Sveta: sb. nauch. tr.* (The addition of the Russian state in the context of early medieval history of the Old World: collected papers). St. Petersburg: Ermitazh, 2009, pp. 412–414. (in Russ.).
- Nazarenko A. V. *Vostochnaya Yevropa v drevnosti i srednevekove. X chteniya k 80-letiyu V. T. Pashuto* (Eastern Europe in ancient and medieval times. X read the 80-th anniversary V. T. Pashuto). Moscow: IVI RAN, 1998, pp. 75–79. (in Russ.).
- Nefedov V. S. *Trudy III (XIX) vserossiyskogo arkhelogicheskogo sezda* (Proceedings III (XIX) All-Russian archaeological congress). St. Petersburg; Veliky Novgorod: IIMK RAN, Vol. 2, 2011, pp. 75–77. (in Russ.).
- Nefedov V. S. *XVI konferentsiya po izucheniyu skandinavskikh stran i Finlyandii: materialy* (XVI conference for the study of the Scandinavian countries and Finland: materials). Moscow; Arkhangel'sk, Part I, 2008, pp. 211–213. (in Russ.).
- Neroznak V. P. Moscow: Nauka, 1983, 207 p. (in Russ.).
- Nikolaev S. L. *Povest vremennykh let: sb. nauch. tr.* (Primary Chronicle: collected papers). St. Petersburg: "Vita Nova", 2012, pp. 398–408. (in Russ.).
- Novoseltsev A. P. *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Yevropy. 1998: sb. nauch. tr.* (Ancient states of Eastern Europe. 1998: collected papers). Moscow: Vostochnaya literature, 2000, pp. 264–323. (in Russ.).
- Ostrowski D. *Drevnyaya Rus. Voprosy medievistiki: sb. nauch. tr.* (Ancient Russia. Questions medievalists: collected papers), 2008, № 3 (33), pp. 47–48. (in English).
- Peterson R. E. *Studies in Language*, 1980, Vol. 4, № 2, pp. 249–258. (in English).
- Petrov N. I. St. Petersburg: SPbGU, 1996, 97 p. (in Russ.).
- Petrukhin V. Ya. Moscow; Smolensk: Rusich, 1995, 320 p. (in Russ.).
- Polnoe sobranie russkikh letopisey* (Complete Collection of Russian Chronicles). Moscow: Yazyki russkoy kultury, Vol. 2, 1998, 648 p. (in Russ.).
- Polnoe sobranie russkikh letopisey* (Complete Collection of Russian Chronicles). Moscow: Yazyki russkoy kultury, Vol. 3, 2000, 720 p. (in Russ.).
- Povest vremennykh let* (Primary Chronicle). St. Petersburg: Nauka, 1996, 668 p. (in Russ.).
- Pritsak O. Cambridge: "Harvard University Press", Vol. I, 1981, 926 p. (in English).
- Sahaydak M. *Ruthenika*, 2005, № 4, pp. 158–160. (in English).
- Salmina M. A. *Entsiklopediya "Slova o polku Igoreve"* (Encyclopedia "The Tale of Igor's Campaign"). St. Petersburg: Nauka, Vol. 5, 1995, pp. 126–128. (in Russ.).
- Shchhavelev A. S. Moscow: Severnyy palomnik, 2007, 270 p. (in Russ.).
- Shinakov Ye. A. Moscow: Vostochnaya literature, 2009, 475 p. (in Russ.).
- Shinakov Ye. A., Guryanov V. N. *Russkiy sbornik: sb. nauch. tr.* (Russian collection: collected papers). Bryansk: BGU, 2002, pp. 186–208. (in Russ.).
- Stender-Petersen A. *Stender-Petersen A. Varangica*. Aarhus, 1953, pp. 151–154. (in French).
- Strumiński B. Roma: La Fenice, Vol. 2, 1996, 353 p. (in English).
- Thomason Richard P. *Scandinavian political studies*, Oslo, Vol. 10, 1975, pp. 33–51. (in English).
- Tikhomirov M. N. *Russkoe letopisanie: sb. nauch. tr.* (Russian chronicles: collected papers). Moscow: Nauka, 1979, pp. 83–137, 357–361. (in Russ.).
- Tomsen V. *Iz istorii russkoy kultury: sb. nauch. tr.* (From the history of Russian culture: collected papers). Moscow: YaRK, Vol. 2, Book 1, 2002, pp. 143–226. (in Russ.).

-
- Tsukerman K.** *Slavyane i ikh sosedi: sb. nauch. tr.* (Slavs and their neighbors: collected papers). Moscow: Indrik, Issue 6, 1996, pp. 68–80. (in Russ.).
- Tsukerman K.** *U istokov russkoy gosudarstvennosti: sb. nauch. tr.* (At the root of the Russian state: collected papers). St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2007, pp. 332–351. (in Russ.).
- Uspenskiy F. B.** Moscow: Yazyki russkoy kultury, 2002, 451 p. (in Russ.).
- Vilkul T. L.** *Palaeoslavica*, XVI, 2008, № 2, pp. 272–280. (in Russ.).
- Yanin V. L., Aleshkovskiy M. Kh.** *Istoriya SSSR* (History of the USSR). 1971, № 2, pp. 32–61. (in Russ.).
- Zaytsev I. V., Morozov D. A.** *Drevnyaya Rus. Voprosy medievistiki: sb. nauch. tr.* (Ancient Russia. Questions medievalists: collected papers). 2007, № 2 (28), pp. 112–115. (in Russ.).
- Zuckerman C.** *Les centres proto-urbaines russes entre Scandinavie, Byzance et Orient* (Proto-urban centers between Russia Scandinavia, Byzantium and East: collected papers). Paris: “Pierre Zech Éditeur”, 2000, pp. 114–116. (in French).